

Глава из книги

(Начало в №№ 39, 45, 51, 63, 81, 88, 99 за 2004 год, 5, 18, 25, 46, 57, 73, 96 за 2005 год, 17, 33, 77 за 2006 год, 16 за 2008 год)

19

Учёный Н. А. Морозов всю свою сознательную жизнь стремился внести посильный вклад в развенчание мифов, предрассудков и суеверий, связанных с верой людей в то сверхъестественное, что составляло основу религиозного сознания народов всех времен. После эпохи Просвещения казалось совершенно естественным думать, что в будущем цивилизованном обществе религия уступит место разуму, озаренному светом научных знаний об окружающем мире. Просвещенный наукой человек должен навсегда распрощаться с поклонением неким божественным Существам, вроде Будды или Христа, ибо такая вера низводит человека до роли либо раба Божьего, либо слуги Дьявола. А человек – не раб и не слуга. Он – творец истории. Причем, новой истории, в которой просветленный человеческий ум не будет уже оглядываться на свои прошлые религиозные заблуждения.

Их зарождение Морозов связывал с «пробуждением человеческого ума» в древности, с « первыми блужданиями в поисках за истиной» Гомо сапиенса. Психологию исторического процесса возникновения и утверждения в сознании людей религии будущий Почетный академик легко мог себе представить, поскольку сам в детстве благодаря воспитанию, полученному в родовом имении от старой няни, пережил искреннюю, настоящую веру в потусторонний мир, населенный какими-то бессмертными бесплотными существами. Детская душа при одной мысли о них замирала в страхе. Чтобы не бояться встречи с призраками и привидениями, мальчик Коля Морозов по ночам посещал все «страшные места» в имении и его окрестностях. «Ко всем моим детским страхам, — писал потом в своих воспоминаниях народоволец, — примешивалась и значительная доля любопытства. Ведь всё необыкновенное, чуждое нашему реальному миру, так интересно, а опасность так привлекательна!»

В доме отца-помещика была комната, куда по ночам боялась заходить прислуга. Здесь в золоченых рамках были развешены портреты предков, и один из них производил особое впечатление. На нём был изображен прадед Петр Григорьевич. Старинный художник так живо выписал лицо предка с жестоким и высокомерным взглядом, что ночью никто не решался к нему подойти. При свете свечки, в мертвой тишине дома казалось, что золоченая рама обрамляет не картину, а окно в другой мир, откуда Петр Григорьевич смотрел с леденящим кровью злорадством воскресшего покойника. Он словно говорил каждому подходящему к нему: « Вы думаете, я мертв? Ошибаетесь. Сейчас протяну руку, и тогда...».

Зрелище это было не для слабонервных. Именно поэтому Коля Морозов, отправляясь в ночные прогулки, обязательно заходил в эту комнату. Он подносил свечку к портрету предка и, чувствуя, как у него «холод пробежал по спине и затылку, и волосы шевелились на голове», стоял минуту-другую, подавляя в себе страх перед потусторонним миром, который ночью представлялся существующим не где-то далеко-далеко, а в самом имении. Прислуга поговаривала, что притон нечистой силы скрывается за огромным несгораемым денежным шкафом в отцовской спальне. Однажды ночью там в отсутствие отца, Коля Морозов решился проверить, так ли это на самом деле. Он встал с постели, сделал шаг к шкафу ... И вдруг оттуда живой тенью вышла огромная черная собака. Испугавшись, мальчик забрался обратно в постель, закутался с головой под одеяло и пролежал так, не шевелясь, до утра.

Но к десяти годам в мировоззрении Коли Морозова произошел перелом. Однажды юный воспитанник спросил

няню: «А как произошло солнце?» Та ответила: «Бог сотворил». Коля не успокоился: «А кто Бога сотворил?» И получил в ответ: «Никто. Он существовал и будет существовать вечно». После этого будущий Почетный академик понял, что обращаться к няне с подобными вопросами бесполезно. Её авторитет как знатока всего непонятого в глазах мальчика сильно ослаб. А дальше его ждало неожиданное открытие: никто в имении, в том числе и отец, образованный и просвещенный человек, не мог разяснить, откуда всё взялось в этом мире. Значит, нужно самому искать ответ. Благо, у отца была большая библиотека, в которой находились и книги по естествознанию. Чтение захватило будущего ученого. Вскоре ему были подарены микроскоп и подзорная труба. Один оптический прибор позволял подростку наблюдать за простейшими организмами, невидимыми обычным челове-

инстанции. Но во второй половине девятнадцатого века для всё большего числа людей последней инстанцией становились научные знания, добытые человеческим умом и подтвержденные опытом. Во всех пределах цивилизованного мира человеческий разум колебал веру как тоненькое деревце во время ураганных порывов ветра.

Охлаждение религиозного чувства тогда замечали в себе даже те, кто не отрицал духовную основу человеческого бытия. Лев Толстой открыто признался об этом в своей «Исповеди», написанной в 1879 году – как раз тогда, когда заявила о своём существовании «Народная Воля». Великий историк Василий Ключевский с 1879 года преподавал в Московском университете и одновременно в Духовной академии. Постоянно находясь в соприкосновении как с мирской аудиторией, так и с той, где готовились будущие священнослужители, Ключевский

не мог не анализировать полученные впечатления. В итоге его записная книжка пополнялась записями, в которых историк с горечью для себя отмечал не очень-то приятные реалии своей эпохи: «Религия для нас – не потребность духа, а воспоминание или привычка молодости... Смотри, как они веруют в Бога, так и хочется уверовать в чёрта... Великая истина Христа разменялась на обрядовые мелочи... Разница между духовенством и другими русскими сословиями: здесь много пьяниц, там мало трезвых... Они ведут себя жрецами исчезающей религии или храма, предназначенного к ломке, космическими анахронизмами, создающими своё безвременье, но не решающимися в том сознаться».

Ключевский происходил из семьи сельского священника, закончил два духовных училища, потом учился в духовной семинарии, вроде сама судьба подсказывала ему, какой жизненный путь избрать. Но семинарию он не закончил по той причине, что его интересы всё более смещались в сторону науки и научного понимания истории, а не её божественного происхождения. Жизнь в Российской империи вообще почему-то не приближала его душу к «божественному свету», а, наоборот, отдаляла, словно какая-то «тьма» давила на русскую жизнь. Ключевский был солидарен с «Исповедью» Льва Толстого. Правда, открыто это он никому не говорил, но в своей тайной записной книжке отмечал сам для себя: «Евангелие стало полицейским уставом... Русский простолудин – православный – отбывает свою веру, как церковную повинность, наложенную на него для спасения чьей-то души, только не его собственной, которую спасти он не научился, да и не желает». Глубокие сомнения в истинности христианской веры подведут великого историка к горькой мысли, от которой было никуда не деться, как от собственной совести: «Что такое Бог? Совокупность законов природы, нам непонятных, но нами ощущаемых и по хамству нашего ума олицетворяемых в образе Творца и Повелителя Вселенной».

О будущем исчезновении христианства из человеческой истории в те же годы во всеуслышание заявил Фридрих Ницше. Его смертный приговор Отцу, Сыну и Святому Духу был краток: «Бог мертв!» Поясняя сей прискорбный факт, немецкий философ писал: «Почему ныне царствует атеизм? Потому что Бог как «Отец», как «Судья» и как «Воздаятель» никак не проявляется себя. Он не слышит людей, а если бы и слышал, то не смог бы помочь. Самое скверное, что Он не может объясниться с человечеством». Чтобы проявить любовь к людям, утверждал Ницше, Бог должен быть Живым Существом. А как это Существо может себе представить человек? Никак, потому что потусторонний мир, который именуется божественным – это в действи-

тельности НИЧТО, НИГИЛ. Посему не наука, а христианство несёт на себе печать нигилизма, отрицая земной мир, будто бы изначально греховный, и возвеличивая мир другой, сверхъестественный, якобы существующий ПО ТУ СТОРОНУ человеческого бытия.

Когда книги Ницше на эту тему с трудом, но выходили в свет в Германии, Николай Морозов уже находился в тюремной одиночке Петропавловской крепости, где заключенным народовольцам сначала было запрещено что-либо читать, но потом было позволено иметь в камере одну книгу – Библию. Беря её в руки, узник не мог не вспомнить, как в четырнадцать лет он сам себе доказал, что Бога нет. Чтобы убедиться в том, сын помещика проделал в родовом имении простой эксперимент. В один прекрасный день он снял со стены своей комнаты икону и выбросил её в окно. И стал ждать страшной Божией кары. Минуту ждал, другую, третью, но гром не грянул, дом ходуное не заходил, земля не разверзлась. Всё осталось на своих местах даже через час. После этого Коля Морозов почувствовал себя свободным человеком, сбросившим последние оковы религиозного сознания. Теперь, взрослея, он мог вместо «Бытия» Моисея спокойно читать Дарвина и не чувствовать при этом, что он совершает какой-то грех познания того, что ему, человеку, лучше не знать, дабы от научных знаний не потерять веру в нечто высшее.

В отличие от своих товарищей по тюремному несчастью, для которых Библия была «мертвой» книгой, которую даже открывать не имело смысла, ибо она ничего не давала ни уму, ни сердцу, Морозов в своей одиночке стал с большим интересом перечитывать Священное Писание от корки до корки. Будучи литературно одаренным человеком, он не мог не почувствовать высокую художественность библейских текстов. Но не только этим будущего академика привлекала Библия. В ней неожиданно для себя он обнаружил космическую составляющую. Поскольку астрономия была главной научной страстью Морозова, то у него сразу возникла идея расшифровать библейские мифы и образы при помощи астрономических знаний. Так началась работа ученого над развенчанием всего «божественного» в Библии и попыткой установить истинных авторов библейских текстов. Исследование по такому вопросу было делом не простым. Оно отнимало много сил, энергии и времени, поэтому растянулось на многие десятилетия. Свои книги на эту тему Морозов издавал и до революции 1917 года, и после неё. В 1939 году морозовская газетная статья с красноречивым заголовком «Пережитки суеверий уходят в прошлое» поставила точку в антирелигиозной эпопее Почетного академика. И вряд ли бы Николаю Александровичу, еще с молодости убежденному (как и Ключевский), что религия – это «косми-

Арест типографии народовольцев, располагавшейся на конспиративной квартире в Саперном переулке. Рисунок из немецкого журнала 1880 года

Шлиссельбургский ключ

ческий анахронизм», пришла в голову мысль оставить для истории воспоминание о спиритическом сеансе, на котором ему, – народовольцу, ученому-материалисту! – довелось общаться с духом библейского Моисея, если бы не одно обстоятельство, которое взволновало умы современников и которое было также загадочно, как явление мальчику Коле Морозову живой тени призрачной собаки в спальне отца.

Как писал потом Герберт Уэллс, до 70-х годов девятнадцатого века «мир в целом сохранял ньютоновские очертания; в нём были три пространственные измерения плюс время, плюс гравитация, и большинство образованных людей на всем свете было вполне удовлетворено этой картиной мира. Они не могли представить себе какую-либо альтернативу ей». Но в 70-е совершенно неожиданно в научных кругах заговорили о том, что Сверхъестественное может скрываться не в тайнах атомов и молекул, а в самом Пространстве, где атомы и молекулы формируют материю в самых различных формах. Ученые выдвинули гипотезу, что в обычном пространстве может существовать Четвертое измерение. Метафизики и спириты тут же её подхватили и заявили, что благодаря Четвертому измерению происходят спиритические сеансы и могут оставаться невидимы и не осязательны для человека четырехмерные сверхъестественные Существа. И вообще философам-радикалам нужно задуматься о природе человека – трехмерна она или четырехмерна, – прежде строить великие планы светлого будущего человечества. На страницах европейских газет и журналов возникли дискуссии, которые в 1891 году докатились до России, где власти начали подготовку к 100-летию Николая Лобачевского, геометрия которого и навела на мысль о возможности существования никому не понятного измерения.

К тому времени в шлиссельбургскую тюремную библиотеку уже поступали научные журналы, из которых узники узнали об ошеломляющей мировой новости. Они обратились к Морозову (заключенные общались между собой при помощи перестукивания и в часы прогулок парами) с просьбой разяснить им суть возникшей перед наукой проблемы. Вот тогда-то, сев писать свои «Письма о Четвертом измерении», шлиссельбургский узник под номером четыре и вспомнил о том, что произошло в Петербурге на конспиративной квартире народовольцев в доме, расположенном в Саперном переулке. В январе 1880 г. полиция после часовой перестрелки брала штурмом эту тайную «обитель», где хранилось оборудование типографии «Народной Воли». Но в конце 1879 г. обстановка здесь была иной – тихой и спокойной, располагающей к беседам на самые неожиданные темы.

Виктор МЕЛЬНИК
(Продолжение следует)